

Рома — выросший мальчик, сказал о нем когда-то кто-то, не помню ни имени, ни лица. Наверное, хотел обидеть. Мне казалось: да, это обидно, язвительно, я не хотел бы, чтобы меня так называли. Теперь думаю: высокая похвала. Да, мальчик, но выросший. Не инфантил. А сколько мальчиков так и не выросло, так и играют друг с другом? Хитрят, жульничают, сажают и даже убивают. Не ведая, что творят, именно, как дети.

Рома это перерос, он хорошо это видел и еще лучше об этом писал. Из детства в нем осталось не худшее (оно ведь там тоже есть), а лучшее — прямота, нежелание подлаживаться под кого-то, ранимость. И неутомимое любопытство ко всему, что не похоже на будничность. Отсюда интерес к фантастике, которую он любил, возможно, больше, чем современную «серьезную» литературу. Не потому, что сердцу не прикажешь, просто эта «серьезная» сладострастно отражала и отражает пакости нынешнего мира, а Рома пакостями брезговал.

В фантастике всегда проглядывается идеал. Рома, при всей критичности своих книг, четко придерживался идеала. Он создал свой мир. Там тоже есть недогды, но победа Добра неизбежна.

Некоторым он казался чудаком. Рома не хотел быть послушным и готовым к унижению, поэтому отрывался от книг и шел в общественную деятельность. Городское начальство не понимало, чего надо этому фантазеру. Представить, что ничего не надо, кроме справедливости, оно не могло. И сейчас не может.

Он был своим среди своих, но чужим в родном городе. Как и многие мои друзья, как и я сам. Мы не нужны тому Саратову, который сформировался поколениями большевиков, секретарей райкомов, а потом в массе своей необразованными и малокультурными начальниками, пробившимся к власти хитростью, жадностью и тупой напористостью.

Недаром Рома сказал мне однажды, что не только островом, который придумал Голдинг, но, похоже, и всем миром правят повелители мух.

...

Почему-то Рома всегда казался мне намного младше, хотя разница всего пять лет.

Когда ему исполнилось сорок, пятьдесят, пятьдесят пять, не верилось, мысленно восклицалось: не может быть!

Когда я узнал о его гибели, тоже не мог поверить.

И до сих пор не верю. Не может быть.